

ПРОТОИЕРЕЙ
АНДРЕЙ ТКАЧЕВ

СТУПЕНИ К НЕБУ

КАК НАУЧИТЬСЯ
ЛЮБИТЬ ЛЮДЕЙ

Андрей Ткачев
Ступени к Небу. Как
научиться любить людей
Серия «Книги протоиерея
Андрея Ткачева»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18418096

Андрей Ткачев. Ступени к Небу. Как научиться любить людей: Эксмо;

Москва; 2015

ISBN 978-5-699-81355-1

Аннотация

Новая книга протоиерея Андрея Ткачева – о том, как найти себя и через переживание глубины и величия человечности как Божьего дара научиться строить подлинные отношения с ближними. Во все более ускоряющемся темпе жизни, в растущем вале неотложных дел, среди суеты и шума так легко потерять себя, надежду и веру. Когда нам кажется, что все у нас уже есть и пора остановиться на достигнутом, мы незаметно для себя отдаем все больше пространства наших душ разочарованию во всем: в мире, в людях, в жизни, мы начинаем терять свою глубину. Человеку же нужно постоянно расти, преодолевать некие ступени во всех сферах своей жизни, подниматься вверх, чтобы узнавать себя с совершенно неожиданных сторон. Узнав себя, постигнув свою

глубину, мы начнем замечать Христа и ближнего. И тогда любое дело, которое мы будем делать, станет для нас ступенькой к Небу.

Содержание

Вместо предисловия	8
Как научиться любить ближнего	9
О степени веры	17
И за скорби будем благодарны Богу	25
О связи поколений	33
Основы воспитания	39
Благословляйте детей ваших!	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Протоиерей Андрей Ткачев

Ступени к Небу. Как научиться любить людей

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви Номер ИС Р15–509–0447

© Ткачев А., текст, 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Протоиерей Андрей Ткачев – священнослужитель,

писатель, публицист, радиоведущий и миссионер, лауреат Книжной премии Рунета 2013, номинант Патриаршей литературной премии 2014 года.

Вместо предисловия

В книге протоиерея Андрея Ткачева, блестящего проповедника, известного и любимого многими писателя, миссионера, даются ответы на многие важные вопросы: кого избирает Господь, что главное в супружестве, как богатеть в Бога и идти «царским путем»... Оказывается, слезы помогают человеку прозреть, и если вам хоть от чего-то бывает стыдно, значит, душа ваша еще жива. Отец Андрей рассказывает о том, что для совести нет слова «вчера», а для того, чтобы любить людей, нужно иногда от них... удаляться.

Эта книга является продолжением бесед отца Андрея, охватывающих разнообразные аспекты жизни современного человека. Для кого-то станет откровением тема о ревности не по разуму, о том, что враги справа опаснее тех, что слева, о «благочестивом бесновании». А родители узнают о великой творческой силе их слова, о важности благословения детей и недопустимости злых слов в их адрес.

Надеемся, что читатели найдут в книге ответы на многие вопросы, касающиеся их жизни и выбора своего пути в ней. Она будет интересна и тем, кто уже давно в Церкви, и тем, кто только ищет Истину.

Как научиться любить ближнего

Знаете ли вы, что для того, чтобы научиться любить людей, нужно иногда от них удаляться? Это очень важно для понимания того, как же научиться любви. Находясь постоянно среди людей, научиться их любить очень трудно. Нужно удаляться для упражнений в любви и возвращаться с накопленными силами, чтобы эту силу любви источать и раздавать. При несоблюдении этого режима могут возникнуть очень печальные последствия. Есть много людей, которые бросились в битву и в этой битве сложили свои кости, так и не достигнув того, к чему стремились. Есть такое выражение у святого Исаака Сирина: *«Хочешь полюбить брата? Удались от него, и тогда возгорится в тебе любовь к брату, и, увидев лицо его, увидишь лицо Ангела».*

Приведу простой пример: вы знаете, как любят друг друга, скажем, теща и зять, или тесть и зять, или свекровь, свекор и невестка, когда живут отдельно. У них хватает ресурсов (и терпения, и любви, и заботы, и внимания друг к другу), когда они приезжают друг к другу – или те к этим, или эти к тем. Стоит же им остаться надолго или навсегда вместе под одной крышей, на одной кухне, с одним санузелом, с одним холодильником и т. д., они быстро исчерпывают запас любви. То есть какое-то время любовь еще присутствует, но вскоре улетучивается. Это только у Бога она не имеет

начала и конца, она вечна, как Сам Господь, как Его имя. А у людей она, оказывается, имеет свои границы. Люди – как батарейка, которая, отдав свое тепло, свою энергию, требует подзарядки или выбрасывается вообще за ненадобностью. Так и человек, когда отработал ресурс любви, превращается в озлобленного уставшего человека, и все. И что делать?

А делать надо вот что. Если речь идет о семье, то можно только посоветовать жить отдельно. Это, конечно, технически сложно, потому что жилье дорогое. Жилищный вопрос вообще весьма испортил несколько поколений наших соотечественников. Но нужно понимать, что в отношениях с людьми некая удаленность от них рождает любовь. Иногда удаленность от людей является плодом любви.

Святой Арсений Великий говорил: *«Я всех люблю, я всех бегу. Видит Бог – я люблю вас, но не могу быть и с вами, и с Богом одновременно. Но, уйдя от вас, я буду молиться о вас»*. Это может быть даже полезнее людям, когда кто-то любит их, переживает, молится о них. Ведь сердечные связи – это не шутка. Не зря ведь болит сердце у кого-то любящего, когда любимый где-нибудь попадает в беду, хоть он об этом и не знает ничего, не получал ни телеграмм, ни писем, ни СМС. А вот сердце имеет свое знание – свою логику, как говорил Паскаль, – которое минует логику ума и нам до конца не понятно.

Так вот, для того чтобы научиться любить, необходимо удаляться от любимых, выстраивать правильные отношения,

а потом входить опять-таки в гущу человеческую с накопленными силами, с жаром сердца и с восстановленным духовным здоровьем. Нам часто говорят о том, что христианство удаляется от мира, часто как бы отстраняется от проблем. В этом есть немало горькой правды. Но в том, что христианство не должно быть до конца растворено в мире – иными словами, до конца социализировано, – в этом тоже есть большая правда.

Христианство западного пошиба стремится разменять себя на дела совершенно ощутимые и видимые. И можно при этом забыть о том, что есть еще просто идеальный путь. Это только Бог и ты, и больше никого. А это, собственно, и есть чистое христианство.

Так вот, если мы живем в казарме или в лагерном бараке, то любви там нет, хотя все вместе – братья и сестры. Там невозможно остаться одному, даже отгородив себе простышкой какой-то уголок. Все равно не чувствуешь себя одиноким в этом улье, потому что в нем нет любви.

Святой Арсений Великий говорил: «Я всех люблю, я всех бегу. Видит Бог – я люблю вас, но не могу быть и с вами, и с Богом одновременно. Но, уйдя от вас, я буду молиться о вас».

Человеку нужно выстраивать какие-то отношения. Даже Господь Иисус Христос показывает нам пример того же. Находясь среди людей, постоянно вращаясь среди них, не имея грехов, не имея страстей греховных, то есть внутренних бо-

лезней души, подвигающих человека на грех, Он постоянно мучился в силу Своей святости и чистоты. Люди, прикасаясь к Нему, к Его одежде, даже на расстоянии получали исцеления. А Он, будучи Источником исцеления, источая из Себя эту силу, эту благодать, Сам мучился. Так, как мучается здоровый человек, находясь в доме умалишенных слишком долгое время. Пришел на час провести знакомых, а его попросили остаться на ночь, а потом говорят, чтобы он еще на день остался. Это будет для вас, знаете ли, ой-ой-ой как непросто, потому что здоровые вместе с больными – это наказание. Господь с больными жил на земле, жил среди людей, долго жил, и любовь привела Его на землю. Но Он все равно находил возможность уединяться. Часто мы читаем, что Господь уходил в пустынные места и там молился. Отчего это? Людей не любит, сторонится, убегает? Любит людей! Для людей Он и пришел. Если бы не любил людей, то не пришел бы в мир и не взял бы на Себя нашу плоть и кровь, со всеми ее слабостями и ограниченностью, но Отца любит и в одиночестве нуждается, в творческом одиночестве.

Потому что личность закаляется в общении, а растет в одиночестве. Одиночество и общество – две стороны одной медали, совершенно невозможные друг без друга. Одна другую держит и одна другой помогает. С одной стороны, без общества людей, без разговора, без учения, общения, без сложностей личностных взаимоотношений человек не воспитывается, не вырастает человеком. Он так и будет несмышле-

нышем, реальным «маугли».

Не виртуальным кипплинговским Маугли, благородным, способным на любовь и владеющим речью. Нет, он будет реальным «маугли», который воспитывался в джунглях волками или другими животными. Такие случаи были, в той же самой Индии. Дети не разговаривали, бегали на четвереньках. Если потом они попадали к людям и те пытались их очеловечить, дети, будучи совершенно неприспособленными к жизни в обществе, быстро умирали. Они ели с земли, выли на луну, чесали за ухом задней ногой, имели все повадки животных – развитый нюх и абсолютно неразвитый речевой аппарат.

Христианство западного пошиба стремится разменять себя на дела совершенно осязаемые и видимые. И можно при этом забыть о том, что есть еще просто идеальный путь. Это просто Бог и ты, и больше никого. А это, собственно, и есть чистое христианство.

То есть человеку необходимо общество, но человеку нужно и одиночество. Кто не понимает, что человеку нужна тишина, тот вообще не человек, по-моему. Он – какой-то необычный монстр, который хочет убить мою душу. Потому что, даже уезжая куда-то на отдых, ты обретаешь какую-то странную реальность – все собрались отдыхать, а вместе с тем все друг другу бьют по мозгам музыкой, дискотекой, аттракционами, анимацией. Все как будто с ума посходили.

Человеку нужна тишина. Чем больше он живет на свете,

тем больше ему нужен звук журчащего ручья. Я не говорю – каждый вечер, но хоть иногда нужно услышать треск горящего костра, стрекот цикад или кузнечиков, шепот листвы. Примерно такие звуки открываются человеку, удалившемуся от людей. На время, конечно же, только на время. Нужны такие звуки человеку, нужна тишина. Поэтому для психологического здоровья необходимо иногда дистанцироваться от общества.

Вы попробуйте недельки две-три новостей не смотреть и газет не читать. К вам, конечно, какие-то обрывки фраз в ухо прилетят, потому что об этом будут говорить, будут шуметь о чем-то: ты знаешь, тот разбился; ты знаешь, этот подал в отставку; ты знаешь, доллар стоит столько-то... Не вникать ни во что, намеренно не вникать! Вы знаете, насколько вы с большим удивлением, с большим чувством новизны вдруг опять посмотрите новости через десять дней, каких-то ничтожных десять дней!

С каким удивлением смотрят на футбольно-болеющую толпу люди, совершенно ничего не понимающие в футболе! Для них это просто беснующиеся... лодыри. Человеку, который вообще ничего в этом не понимает, кажется странным, что это занятие вызывает такой эмоциональный шквал. Где-то так оно на самом деле и есть. Вообще немножко странно жить в мире, где футбол занимает такое важное место в сознании людей.

Личность закаляется в общении, а растет в

одинокости. Одиночество и общество – две стороны одной медали, совершенно невозможные друг без друга.

Жизнь в толпе рождает опасную болезнь – недоразвитость личности. Человека можно сравнить с яйцом. Он должен быть рожден курицей, как яйцо, а потом высижен курицей, как яйцо. А если его не высидеть, не дать ему тепла, тишины и времени, то он так «яйцом» и останется. Он не будет цыпленком, он будет яичницей. Это человек, который не уединяется от людей, не размышляет в одиночестве, ничего не читает, ни о чем не задумывается.

Я уже не говорю о христианстве. Христианство вообще не мыслит себя без подвижничества. Христианство зажигало самые яркие светочи именно благодаря подвижничеству. Ушел человек от всех, а потом, побыв наедине с Богом пятьдесят лет, пришел ко всем, но пришел не просто зачем-то, а раздавать то, что он накопил. Это правильная схема христианской святости.

Если хочешь полюбить ближних – удались от них хоть ненадолго. Начни молиться Богу немножко о себе и о них, и потом возгорится в душе твоей любовь к ближнему и, увидев его, ты обрадуешься, как будто увидел лицо Ангела.

Мы с вами просто нуждаемся в духовном здоровье. А для того чтобы быть духовно здоровым, нужно перестать друг друга заражать своими страстями и дурными мыслями. Для этого нужно хоть немножко уединяться или с природой, или

с книгой, а еще лучше с Евангелием или молитвенником. Так что, если хочешь полюбить ближних – удались от них хоть ненадолго. Начни молиться Богу немножко о себе и о них, и потом возгорится в душе твоей любовь к ближнему и, увидев его, ты обрадуешься, как будто увидел лицо Ангела. Это говорил Исаак Сирин, и сей святой отец абсолютно прав, как и во всем остальном, что вышло из-под его пера.

О степени веры

Человек – существо очень глубокое, многослойное, в нем столько различных подводных пластов! Он имеет не только одно двойное дно, как в чемоданчике разведчика, а много-много таких глубоких слоев, в которые нужно проникнуть, исчерпать их. В одной из притч говорится, что на сердце человеческом глубокая вода, и мудрый умеет вычерпать ее. Случается так, что мы не используем весь КПД, заложенный в нас. Ни память, ни наши физические силы, ни воображение, ни широта сердца не задействованы в должной степени. Это плохо. Скользя по поверхности, мы лишаем себя самых важных переживаний, самых главных открытий в жизни. И живущим с нами может быть тяжело из-за того, что мы не равны себе, то есть не являемся теми, кем должны быть.

Вот, например, одной из причин распада браков, вне всякого сомнения, является то, что люди приедаются друг другу, приживаются... Они ощущают некий дефицит новизны и ищут его на стороне. Между тем мужчина настолько глубок, что в свою собственную жену он может влюбляться каждые два-три года заново, будто в нового человека. И в своего собственного мужа женщина может влюбляться снова и снова, как впервые, словно в другого человека, находя в нем то, чего она не видела до сегодняшнего дня.

Люди взрослеют, приобретают опыт, что-то отшелушива-

ется от человека через скорби и болезни, что-то приобретает новое звучание. Какие-то струны начинают звучать по-новому. Как говорил митрополит Антоний (Блум), *человек похож на витраж*. В том смысле, что ночью витражи молчат – в них свет не бьет, и они молчат. То есть это просто темные пятна на фоне собора. Но стоит только солнышку подняться, как витраж оживает, начинает играть всеми цветами, заложенными в него художником. Так и человек бывает пресен, неинтересен, скучен, неглубок для тебя. И когда ты вспомнишь, как в фильме «Ирония судьбы, или С легким паром» герой Мягкова говорил о жене: «Будет туда-сюда ходить всю жизнь», то задумаешься: «Не надо мне такого».

Супружеская жизнь является подвигом и трудом. И только в случае подвига и труда она проживается более-менее правильно и не разбивается, как корабль, не дошедший до пристани. Это касается и веры тоже.

Но нет, он же глубок – человек. Он все время непредсказуем, если он человек, а не заезженная пластинка. И вот человеку нужно обязательно спускаться на глубину для того, чтобы открывать заново уже известное. Это касается не только супружеской жизни, которая сама по себе – и подвиг, и труд. И только в случае подвига и труда она проживается более-менее правильно и не разбивается, как корабль, не дошедший до пристани. Это касается и веры тоже. У человека не может быть одинаковой веры во все периоды его жизни.

Мы часто удивляемся, читая историю, как это дети учи-

лись в школе, изучали Закон Божий, а потом вырастали атеистами, безбожниками, стреляли в иконы, вступали в партию, срывали с себя крестики... Это же было массовое явление. Миллионы людей были охвачены психозом. Да, обманули, да, закрутили, да, задурили... Но это же все равно не оправдывает человека. Я думаю, что слишком «заезженный» взгляд на религию является большим врагом для нее, чем открытая атеистическая проповедь.

Детская вера должна перерасти себя и вырасти в веру отроческую. Детская вера – это период невинности. Еще нет особенных личных нужд, еще можно молиться только за папу и за маму. И ты находишься как бы у Бога за пазухой.

Если семья нормальная, даже если она неполная, а есть только папа или мама и бабушка, все равно детство – это некое подобие Рая. Даже у тех, кто жил в «Республике ШКИД», детство было прекрасное. Детство всем приятно вспоминать не потому, что оно у всех чудесное, а потому, что сам в это время чудесен.

И детская вера в это время проста: Боженька есть, Боженька тебя любит, Боженька тебя слышит... Так оно и есть, но если с этой верой ты выйдешь во взрослую жизнь, ты потеряешь ее и станешь атеистом. Твоя детская вера должна непременно стать верой отрока.

Слишком заезженный взгляд на религию является большим врагом для религии, чем открытая атеистическая проповедь.

А отрочество – это уже первый стыд, первые языки огня, первые прикосновения пламени искушений. Огонь лижет человека, ища в нем сухой материал, чтобы воспламенить его. Насколько он влажен, насколько он сух, от этого зависит его будущая жизнь – сгорит он, как головешка, от страстей или сохранится подольше. И здесь уже нужна другая вера, нужно покаяние, работа над собой, требуется некоторое самоиспытание, посильное углубление в догматы.

Потом наступает юношеская вера. Юноша – это существо в высшей степени романтическое. Вера дарит юноше идеалы. Юноша – всегда идеалист, но не имея идеалов, почерпнутых из Евангелия, он будет искать идеализм в политических системах, в митинговом горлопанстве. Он будет искать каких-то ложных богов, занимаясь чем угодно, вплоть до сатанизма, потому что ему нужно выйти за пределы видимой реальности. Юноша хочет открывать неоткрытое и познавать непознанное. В это время как раз вера и должна давать ему стимул к настоящему творчеству. Здесь уже не спасет его ни вера отрока, ни вера ребенка.

Совершенно понятно, что вера зрелого мужа – особая. И очевидно, что вера старика – это особая вера, которая требует от него детского послушания и приготовления к смерти как к последнему акту этой человеческой трагедии, называемой «земной жизнью», когда нужно будет с большим послушанием и доверием к Богу отдать себя Ему в акте смерти. Нужно будет довериться Богу до конца, отдавая ему свою

душу в момент перехода отсюда в другой мир.

Это разные веры. Если мы забуксовали, заикнулись на каком-то одном периоде веры, то мы, переходя в другое качественное состояние, рискуем потерять веру вообще. Это же происходит, если мы привыкли к благоденствию, вбили себе в голову, что Бог обязан быть приказчиком возле нас и обеспечить нам земное благосостояние. Попадая в тюрьму или лагерь, такой человек может совсем потерять веру: «А где Господь? А почему это все...» И начинаются все эти «безумные глаголы». Те, кто не имел веры, часто приобретали ее, потеряв свободу. Они научились молиться в беде, в опасности, с голодухи, под нагайкой, под штыком, под прицелом... Понимаете, нельзя с одним и тем же опытом веры всю жизнь прожить, невозможно.

Вот читаешь иногда классику, классические произведения, и там очень часто описывается, как легко люди отказываются от веры. Это написано у Бунина, у Чехова... Общество уже было беременно революцией, уже сгущались грозовые тучи, беда подбиралась к каждому человеку. Люди легко отказывались от веры, их еще никто не бил за это.

У человека не может быть одинаковой веры во все периоды его жизни. Если мы заездились, заикнулись на каком-то одном периоде веры, то мы, переходя в другое качественное состояние, рискуем потерять веру вообще. Понимаете, нельзя с одним и тем же опытом веры всю жизнь прожить, невозможно.

Например, у Чехова есть повесть «Степь». Там между собой разговаривают мужики. Один молится перед сном, а второй вяло спрашивает его:

– А ты чего спать не ложишься?

– Я молюсь!

– А ты не молись, Бога-то нет!

Потом повернулся и заснул. Это для него давно уже решенный вопрос. Простой мужик, крестьянин, или разночинец, или горожанин, неважно. Простой мужичонка такой, каких миллионы. А второй, который молился, вдруг впервые столкнулся с опытом атеизма. До сих пор он молился по обычаю, ничего особенного не чувствуя от своей молитвы, просто его приучили к ней с детства. Он так молился. Тут происходит столкновение его привычной веры, которая давно уже его не греет, и бытового атеизма, который в ком-то уже созрел. Что будет дальше?

А дальше человек вызывается на борьбу. Ему нужно взбунтоваться всей душой и искать ответа на вопрос: есть Бог или нет? Так кто прав – я или он? Надо молиться или не надо? Мало людей, которые согласны бороться за веру, мало людей, которые согласны окунаться в огонь, в этот внутренний огонь борьбы за истину. Чаще всего люди думали: «А чего это он не молится? Да может, он и прав». И тут же прекращали молиться, ложились на бочок и засыпали. Это была первая ночь, проведенная без веры. Утром они просыпались. Вроде все нормально, гром не грянул, человек жив. Так оно,

наверное, и есть. «Сцепление атомов родило вселенную». Так говорили недалекие болтуны на заре XX века.

Это же описывается и у Бунина в «Жизни Арсеньева», когда старший братец шепотом приносит из гимназии страшную тайну – Бога нет! И маленький человек начинает тревожиться: старший сказал! Надо верить старшим, это же авторитет! Что же делать? Понимаете, если он не преодолеет в это время свою детскую веру и не выйдет на новую ступень, он пропадет. Его жизнь ставится под знаком вопроса, он рискует погибнуть духовной смертью. В это время решается вся его судьба.

Поэтому я хочу сказать, что и в любви, и в своем искусстве, и в своей работе, в своем творчестве, и в вере, в отношениях с Богом мы постоянно должны преодолевать некие ступени и подниматься вверх. Если мы решили, что какой-то суммы знаний нам хватит на всю жизнь, что какого-то положения в обществе, в жизни, в отношениях с Господом нам хватает на всю вечную вечность, то мы рискуем потерпеть страшное кораблекрушение и не выплыть потом из этой пучины. Человеку нужно расти, человек очень глубок, он сам себя не знает.

И в любви, и в своем искусстве, и в своей работе, в своем творчестве, и в вере, в отношениях с Богом мы постоянно должны преодолевать некие ступени и подниматься вверх. Человеку нужно расти, человек очень глубок, он сам себя не знает.

Если он верит поверхностно, тонкой пленочкой, а всей своей глубиной не верит, то стоит только этой глубине возмутиться, она сразу эту тонкую пленочку порвет. Нужно проникать в глубину. Преподобному Симеону Столпнику Господь говорил: «Глубже копай!» И он глубоко копал и высоко поднялся. То есть чем глубже копаешь, тем выше поднимаешься.

Так что, братья и сестры, ищите спасения и ради веры, и ради личных взаимоотношений, и ради всего остального, святого и хорошего, через углубление и погружение. Не будешь копать – высоко не взлетишь!

И за скорби будем благодарны Богу

Давайте поговорим о великих людях древности. Нужно обратить внимание, насколько тяжела была их жизнь, как мало было великих, которые жили бы комфортно, припеваючи, не имея никакой беды, страха, боли, скорби – общественной или своей личной.

Вот, к примеру, в одном из пророчеств святого пророка Иезекииля Господь говорит, что *«если бы были в этом народе такие праведники, как Ной, Даниил и Иов, то Я помиловал бы только их. Эти люди не спасли бы своей праведностью даже детей своих, а только себя бы спасли»* (см.: Иез. 14:14). Настолько в то время народ онечестивился, стал гадок...

Вот три фигуры – Ной, Даниил и Иов. Эти люди нашли благоволение в очах Божиих, и Господь называет их троих – как некогда Авраама, Исаака и Иакова, – тремя великими, которые есть люди Божии и родоначальники избранного народа. Ной, Даниил и Иов – это люди, из которых Ной, например, не еврей. Тогда еще не было евреев. Это человек, который представляет собой все человечество без различия национальностей. Национальности начались уже после Ноя, начиная с вавилонского смешения языков.

Также и Иов. Это праведник, который не принадлежит к еврейскому народу, это человек, который свят и велик, и

Христа образует собой, но он не еврей. Троиц здесь называет Иезекииль, напоминая о том, каковы они, как они жили.

Ной жил во времена страшного развращения нравов. Люди тогда были иными. Сильные, красивые, высокие, статные... И жили долго — по пятьсот, семьсот, восемьсот лет. Были настолько могучими, что к чадорождению приступали только после ста лет жизни. Праведники иногда рождали первенца в триста-четырееста лет. Это люди, совершенно не похожие образом жизни на нас. Люди, не видящие смерти, так как кладбищ не было. Они так долго жили, что мертвеца могли видеть только раз в жизни, на закате своих дней. При этом развращены были до крайности, извратили свою жизнь до невозможности, до невообразимости. Нечто похожее на Содом и Гоморру.

Жизнь в плену. Что может быть хуже? Что может быть горше? И в это время, как скисшая вода поднимается вверх, так скорбящая душа обретает утешение в вере. Человек взлетает на вершины праведности благодаря помогающим ему скорбям.

И праведник Ной слышит Божий призыв, готовится к спасению, потому что люди неисправимы, а он исправим. Нужно сбросить его, чтобы через него размножить людей. И он сто с лишним лет строит ковчег. Сто с лишним лет трудов, со стороны людей — насмешки. И он, будучи в душе праведным, смотрит на дела беззакония и мучается, как Лот в Содоме. Вот такая у него жизнь.

Потом, собственно, произошла страшная катастрофа, специально устроенная Богом. Ной спасается в ковчеге. Затем от его сыновей пошли новые народы. Выход из ковчега, а затем заселение земли заново. Но ничего такого расслабляющего и нежного, сладкого и мягкого не было. Это как жизнь Предтечи – жизнь в пустыне, жизнь в тесноте, жизнь в молитвах, жизнь в трудах, жизнь в духовных опасностях.

Даниил – человек, который вообще жил в плену. Он был уведен в плен, в плену воспитывался, с тоской смотрел в сторону родного города. Он имел обыкновение трижды в день молиться в сторону Иерусалима. Его сердце рвалось туда, на землю отцов, а сам он жил в палатах языческого царя, служил ему своей мудростью, подсказывал, советовал, изучал халдейские премудрости, а сердцем рыдал. Вopil к Богу о позоре своего народа, о том, что они грешили и беззаконили.

И Бог прав, что Он поступил так. Он поступил справедливо, отдал их людям беззаконным, как и предсказывал. Жизнь в плену. Что может быть хуже? Что может быть горше? Праведник опять-таки живет среди иноплеменников: вера в поношении, храм разрушен, все в поругании, священников нет, святыне книги забыты. Все перекошилось, ничего хорошего не происходит. И в это время, как скисшая вода поднимается вверх, так скорбящая душа обретает утешение в вере. Человек взлетает на вершины праведности благодаря помогающим ему скорбям.

Иов – это человек, о котором страшно говорить. Нет в

жизни ни одной скорби, которой бы Иов не претерпел: болезни, предательство друзей, внутренний развал семьи из-за непонимания, гибель детей, потеря всего имущества. Что еще можно придумать? Чем еще можно ударить человека?

Потом его душа колеблется в отношении к Богу. Он начинает сомневаться и терпит многие внутренние колебания, хотя остается твердым, как скала. Однако чего это ему стоило!

Читайте Писание, от него вразумляйтесь на доброе, не ропщите на Господа, а благодарите Его за то, что есть у вас сегодня. И щедрый Господь готов дать вам в сто раз больше, лишь бы вы при этом не испортились!

Иов в своих страданиях страшен и чуден. Страшен, потому что нам страшно подумать, что подобное может случиться с нами. Это испытание для сердца. Это великий праведник. Праведник, который, повторяю, является образом страдающего Мессии. Святой страдает. Это Иов учит нас собою, что такое бывает, что Христос, собственно, это и есть Святой, Который пострадал за всех.

Иезекииль называет троих, как когда-то называл Бог Авраама, Исаака, Иакова. Иезекииль называет Ноя, Даниила и Иова. Все святые, все великие, но никто не жил тихо, спокойно и хорошо. Все претерпели жесточайшие испытания.

А если посмотреть на других? Возьмем Иосифа. Это тоже образ Спасителя – братья его предали, продали за сребреники, как Христа продал Иуда за тридцать сребреников.

Тоже образ Господний – целомудренный, праведный, имевший откровение от Бога, чудный человек, в юношестве показавший величайшее целомудрие.

Он отверг домогательства развратной хозяйки-египтянки, будучи рабом и в молодом возрасте. Рабство выковывает из него человека, рабство делает его терпеливым, и Бог был с ним. Иосиф, попадая в самые тяжелые ситуации, не малодушествовал, но находил в себе силы служить Господу.

И опять-таки его жизнь не сладка. Это изгнание, это предательство. Пока он стал первым человеком после фараона, сколько вынесла его бедная душа! *«В рабы продан был Иосиф, – говорит псалом, – в железо вошла душа его»* (см.: Пс. 104:17–18). То есть он прошел через темничные узы и оковы.

Возьмем Илию. До сих пор жив человек, не умер. Тела его нет в земле, костей его нет в земле, он жив. Бог взял его, и он умрет только во времена антихриста. Этот святой человек всю жизнь свою провел в скитаниях и плаче. Говорил Господу: *«Господи, пророков убили, жертвенники разрушили, мою душу ищут. Забери меня, потому что я не лучшие отцов моих!»* (см.: 3 Цар. 19:4, 10).

Иезавель, жена Ахава, хотела убить его. Он был беглецом. Человек, который никого не боялся, вынужден был, как заяц, убегать от женщины. Он постоянно уходил от ее гнева. Она искала его душу с тем упорством, на которое способна только нечестивая, безбожная, бесноватая женщина, потому что

злоба женская сравнима только со злобой бесовской. Редко у мужика будет столько злобы, на которую способна Евина дочка.

И этот великий человек жил очень тяжело – терпел засуху, голод, отступление народа, преследования Иезавели и многие-многие другие тяготы. Ведь святость закаляется в лишениях.

Но был, правда, один великий и чудный человек, просивший у Бога мудрости и проживший всю жизнь в мире – да и само имя его означает «мир». Это Соломон, царство которого находилось в таком состоянии, когда золото было по цене меди, а медь по цене камня. Каждый сидел под своей смоковницей, в тени виноградника своего и наслаждался миром. Израиль не воевал, он строил Храм и собирал со всех подати.

Разговаривающий с Богом несколько раз устами к устам имевший от Него столь много, что никто другой столько не имел, Соломон при всем мире и безопасности при спокойствии и тишине научился грешить больше, чем грешили другие.

Но этот великий муж полюбил женскую красоту больше, чем все остальное. Он набрал себе иноплеменных жен и наложниц и в конце концов научился от них идолослужению, чем прогневал Бога. Он омрачил свою жизнь безумием и идолопоклонством. Разговаривающий с Богом несколько раз устами к устам, имевший от Него столь много, что никто другой столько не имел, Соломон при всем мире и безопасно-

сти, при спокойствии и тишине научился грешить больше, чем грешили другие.

Вот вам, братья и сестры, урок. Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, — говорит апостол Павел (1 Фес. 5:3). Когда был мир и безопасность при Соломоне, тогда сердце его потолстело, разжирело, забыло Господа, и он научился многим грехам.

Эти праведники — Иосиф, Илия, Ной, Даниил, Иов и Авраам (странник, не имевший на земле места для стопы своей, то есть он везде странничал, был пришельцем), и Исаак, и Иаков — выковывали свои души в страданиях и готовились к будущей лучшей жизни, к будущему городу, архитектором и строителем которого является Господь.

Все это я говорю для того, чтобы мы с вами не отчаивались, когда нам плохо. Ну плохо нам, да! А с какой стати нам должно быть хорошо? Неужели мы такие хорошие, чтобы нам было хорошо? Если мы хотим быть хорошими, то тем более не должны удивляться, что зачастую нам бывает так плохо, потому что именно тогда, когда человеку плохо, он может стать хорошим. Когда человеку очень хорошо, это для него вредно, потому что он становится плохим.

Здесь есть неизбежная диалектика, с которой необходимо разобраться. Хорошо ли мне по-настоящему или плохо? Это сложный вопрос, потому что живем-то мы вроде комфортно, более-менее сытно и более-менее тихо, только жалуемся, потому что души у нас неблагородные.

Если мы хотим быть хорошими, то тем более не должны удивляться, что зачастую нам бывает так плохо, потому что именно тогда, когда человеку плохо, он может стать хорошим. Когда человеку очень хорошо, это для него вредно, потому что он становится плохим.

Думайте почаще о тех, кто был лучше нас, потому что они жили хуже нас, но не роптали при этом, а говорили: «Слава Тебе, Господи! Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу!» Читайте Писание, братья и сестры, от Писания вразумляйтесь на доброе, не ропщите на Господа, а благодарите Его за то, что есть у вас сегодня. И щедрый Господь готов дать вам в сто раз больше, лишь бы вы при этом не испортились!

О связи поколений

Давайте поговорим о наших предках. Каждый из нас, как дерево, корнями уходит в глубь веков. Тысячи людей – наши родственники, но мы их не знаем. Однако то, что мы их не знаем, не означает, что их нет. Мы не первые в мире, мы не Адам, мы взяты не из земли, мы от чрева, от семени. И там, за спиной у нас, есть множество людей, которых мы не видели, но которые есть. Они ушли из этого мира, но они живы по-своему в этом царстве живых за гробом. И вот об этом стоит вспоминать и думать. Связь с ними очень важна для человека.

Евангелие от Матфея начинается родословием Иисуса Христа, где говорится о книге родства Иисуса, Сына Давида, Сына Авраамова, и перечисляется длинный перечень имен, кто кого родил. Это, по сути, вся история Ветхого Завета, перечисленная в именах. Кто читает эти слова и не знает истории Старого Завета, тот читает «китайскую грамоту», а кто знает историю, тот читает с интересом, потому что за каждым именем есть целая книга, целая жизнь, и она известна читающим. Так вот, не зря эта книга открывает Евангелие – родословие Христа и Его связь с поколениями, жившими прежде Него.

Человеку очень важно знать, что он не один в мире, что не только здесь, на земле, вокруг него, есть друзья, знако-

мые, родственники, но что он опирается плечами на огромное количество ушедших из этого мира, но живущих в памяти людей, настоящих людей, не исчезнувших никуда, реальных личностей, которые оставили свой след в истории.

Однажды был у меня такой разговор с одной женщиной-психологом, которая весьма меня повеселила, порадовала мою душу неким тестом. Люди собираются в группу, скажем, человек двадцать, и выбирают одного. Допустим, мужчину. Ему говорят:

– Выберите себе из группы человека, который похож на вашего отца. Или человека, который симпатичен вам, потому что вы бы хотели, чтобы таким был ваш отец. А также мать или похожую на нее, или такую, какой бы вы хотели видеть свою мать.

Человеку очень важно знать, что он не один в мире, что не только здесь, на земле, вокруг него, есть друзья, знакомые, родственники, но что он опирается плечами на огромное количество ушедших из этого мира, но не исчезнувших никуда, а реальных личностей, которые оставили свой след в истории.

Человек выбирает себе предполагаемых отца и мать.

– Теперь выбирайте отца и мать для отца, то есть деда и бабушку со стороны отца, и отца и мать для матери, то есть деда и бабушку со стороны матери. По симпатии или как получится.

Выбирает.

– Теперь выбирайте для каждого из них отца и мать...

Дерево разветвляется. Выбрали. Получилось такое звено: два, четыре, восемь...

– Теперь вы поворачивайтесь к ним спиной, а они будут поддерживать друг друга за плечи. Прадеды – дедов, деды – отцов, отцы – вас, а вы потом падаете на их руки.

Человек перемещает вес тела на пятки и не стоит сам, а опускает свой вес на руки того, кто его держит. А его держат как бы мнимый отец, мнимая мать, а их, соответственно, деды и бабушки, прадеды и прабабушки... Вот так он висит на их руках. Так продолжается минуту, может быть, или полторы, меньше-больше... Потом они его ставят на место, и у людей расширяются глаза. Они вдруг понимают, что вот оно – нас держат поколения ушедших из жизни людей. Я не один в мире. Откуда я взялся? Были отцы, матери, у них тоже были отцы и матери...

Это все глубоко ушло, далеко-далеко... Но эти люди есть. И я есть благодаря им. Они могли быть грешниками, беззаконниками, лентяями, преступниками или, наоборот – трудолюбцами, милостивыми, щедрыми, целомудренными, терпеливыми, храбрыми, а может – трусами, жадинами... Они меня родили, и я опираюсь на них.

Большие мужчины, ростом под два метра, широкие в плечах, плакали, когда проходили этот тест. Они вдруг почувствовали, что за ними стоят тысячи людей. Они цветки на дереве, а дерево глубокое и большое. Осталось ощущение

ладоней на плечах, на лопатках, где держали их мнимые отец и мать. У них горели плечи, как будто бы их пекли утюгами. Они неделями – целыми неделями – ощущали на своих плечах эти руки, запечатлевшиеся на них.

Это очень важно, братья и сестры, потому что мы с вами – не мыльные пузыри, мы не возникли вдруг: вот так вот появились и вот так вот исчезли. Мы приходим в мир после кого-то, благодаря кому-то. Оставляем кого-то или что-то как плод своей жизни в мире и передаем эстафету, а потом другие разбираются уже с нашей жизнью, потому что мы вложили себя в чью-то жизнь. И это очень важно.

Современная идеология не признает этого. Современный человек даже отчество не пишет в паспорте. Вот наши паспорта еще предполагают отчество. Например, Иван Иванович Иванов или там Петр Васильевич Шпак. А вот в английском паспорте или американском пишется только имя и фамилия. Кто твой отец, там не имеет значения. То есть Джон Малкович, и хватит. А Джон Джонович ты или кто, это там никому не нужно. Кто твой отец? Джон он был или трижды Джон, неважно. Важно, что есть ты, есть твоя фамилия – идентификация такая, и все.

А нам важно, до сих пор еще нам важно, кто они – наши отцы, отцы наших отцов, деды наших отцов... И чем глубже эти корни, тем серьезней и глубже человек, тем тверже он, тем глубже его корень, тем тяжелее его свалить. Чем меньше эта связь, тем он податливей падает под ударами судьбы, тем

легче он ломается.

Заметьте, что Церковь наша мудра, мудрее всех. Она ввела в нашу церковную жизнь поминальные субботы. Причем когда у нас умирает кто-нибудь из родных, мы идем на поминальную литургию или на панихиду. Но есть отдельные субботы, называемые родительскими, когда мы поминаем всех от века почивших христиан. Среди них есть наши прапрапраотцы и прапрапраматери. Поминаем их мы перед святым великомучеником Димитрием, после Троицы и в посту несколько раз. Эти субботы называются родительскими.

Нам до сих пор важно, кто они – наши отцы, отцы наших отцов, деды наших отцов... И чем глубже эти корни, тем серьезней и глубже человек тем тверже он, тем глубже его корень, тем тяжелее его свалить. Чем меньше эта связь, тем он податливей падает под ударами судьбы, тем легче он ломается.

Так вот, через эти службы Церковь скрепляет нашу связь с усопшими сродниками. Очень важно не быть перекаати-по-лем, таким одуванчиком, когда дунул – и все, и нет его, он улетел. Где он? Нет его. А где он был? А не знаем где. Человеку нужно ощущать корневую связь с прошедшими поколениями. Это чрезвычайно важно.

Этим начинается Евангелие. Кто кого родил, кто где жил, кто когда умер, кто где погребен. Мы этого не знаем, потому что двадцатый век разметал всех повсюду. Родился в Казахстане, умер в Германии. Родился в Австралии, умер на

Чукотке. Родился на Украине, умер где-нибудь на Дальнем Востоке или в Мурманске. Не знаем, где кто. Многих из нас разметала жизнь. И это все не в последнюю очередь «благодаря» тому, что люди забыли свои корни и позволили жизни дунуть на нас, развести в разные стороны.

Так вот, я бы хотел, чтобы вы знали, что человеку нужно ощущать родовую связь со своими корнями. Без них он труп, без них он слабое звено, перекаати-поле, одуванчик. Только с ними он силен, как Антей – античный герой, богатырь, который пальчиком касался земли и становился непобедимым. Чтобы его убить, нужно было полностью оторвать его от земли. Геракл, борясь с Антеем, поднял его в воздух и задушил, потому что если бы тот касался земли хотя бы локтем, хоть пальцем, хоть пяткой, он был бы непобедим. Земля кормила его и давала ему силы.

Человеку нужно ощущать родовую связь со своими корнями. Без них он труп, слабое звено, перекаати-поле. Только с ними он силен. Нужно, чтобы мы помнили своих предков, держались бы земли. В этом сила каждого человека.

И мы так же. Если оторваны от земли – погибаем, если касаемся земли – живем. Нужно, чтобы мы помнили своих предков, держались бы земли. В этом сила каждого человека.

ОСНОВЫ ВОСПИТАНИЯ

Поговорим о тех вещах, тех явлениях, которые воспитывают человека до Евангелия, до Церкви. Это природа, совесть и родители. Святой Иоанн Златоуст говорит, что мы должны быть внимательны, перед нашими глазами всегда есть книга природы. Она раскрыта: звездное небо, земля весной, рождающая траву, напоминающая нам о слове Божиим: «Да произрастит земля зелень, траву» (Быт. 1:11).

Вся тонкость этих вещей вокруг нас – от клейкой почки до больших китов, рыб, зверей в зоопарке – это все книга, книга мудрости. Наблюдая за миром, мы учимся познавать Творца. В первую очередь книга природы указывает на Творца.

Картина, написанная человеческой рукой, подписью говорит о художнике, ее создателе. Внизу, написано, скажем: «Веласкес» или «Эль Греко». Природа – это тоже книга или картина, говорящая о Творце. То есть смотреть на закат, на восход, слушать щебет птиц, шум водопада и при этом не говорить: «Слава Тебе, Господи!» – нельзя. Это безбожно, нечестиво, по меньшей мере неумно. Потому что картина говорит о художнике.

– Кто написал?

– Васнецов.

– О, молодец!

– Кто создал?

– Господь!

– Слава Тебе, Господи!

Это нормально, это прямое указание на славословие Божие.

Заметьте, что Христос прославил несколько профессий, которые напрямую связаны с природой. Это рыбаки и пастухи. Многие рыбаки были апостолами, а пастухи знали многое из того, чего не знали книжники.

Давид был пастухом, Авель был пастухом, пастухами были те, кто слышал ангельскую песнь: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение!» Значит, Господь показывает нам, что простые занятия могут вести нас ко Господу благодаря своей простоте, благодаря тому, что человек, трудящийся на природе, находится среди Божиих вещей.

Вот чеканщики по металлу, или гончары, или кожевники, или сапожники – они тоже молодцы, они руками зарабатывают свой хлеб, но они не на природе, они в мастерской, в четырех стенах или на улице своего города.

Наблюдая за миром, мы учимся познавать Творца. Природа – это один из наших учителей помимо Евангелия. Нам можно и нужно вырываться на природу с книжкой в руках, с Евангелием Псалтирью, молитвенником.

Обычно на Востоке где работают, там и продают. То есть тут твоя мастерская, тут же и лавочка, где ты продаешь. И среди колготни, шума, среди суеты они работают.

А рыбак и пастух находятся на реке, озере, на море или в полях, в горах, на пастбищах. Они открыты Богу больше, чем другие, эти люди знают Бога лучше. И это мы узнаем из Евангелия. Слишком многое Господь открыл именно пастухам и рыбакам, чтобы в этом сомневаться.

Итак, природа – это один из наших учителей помимо Евангелия. Нам можно и нужно выходить на природу, вырываться на природу с книжкой в руках, с Евангелием, Псалтирью, молитвенником. Ходить среди деревьев, среди кустов цветущих роз, любых растений, вдыхать этот аромат и славить Бога. Это очень важно, особенно городскому жителю.

После природы нам нужна совесть. Замечено уже не раз, что слово «совесть» в Библии отсутствует. В Старом Завете у евреев не было такого понятия. Слово «совесть» придумали язычники, философы, стоики, греки. Они думали: «Кто же это подсказывает мне, что нужно делать так, а так не делать? Кто же это мною командует, кроме меня? Почему если я украл, мне стыдно, а если я отдал свое, мне хорошо? Кто утешает меня? Кто учит меня? Кто мучает мою душу?» И они родили такое понятие – «совесть».

И если слово «совесть» в Ветхом Завете отсутствует, то уже в Евангелии и в Посланиях апостольских оно есть. В Евангелии повествуется, как терзаемые совестью люди уходили от блудницы, которую привели ко Христу, чтобы убить ее камнями. Господь сказал им: *«Кто без греха из вас, пусть первый бросит в нее камень»* (см.: Ин. 8:7). И они, обличае-

мые совестью, ушли от нее.

Совесьть – это подарок Божий нам, братья и сестры. Это наш мучитель, благой мучитель. Это наш тиран, такой домашний тиран, который терзает нас и мучает, и заставляет нас пробуждаться ночью и вспоминать свою жизнь.

Совесьть дружит с памятью. Кто памяти не имеет, того совесть не тревожит. Зачастую спокойная совесть – это признак плохой памяти. То есть человек не знает себя, не помнит себя, иначе он был бы весь красный как рак – от ушей до пяток, но он не помнит ничего, поэтому не мучается. Память и совесть – это сестры.

Совесьть мучает человека, это ее задача. Она же и утешает человека. Когда мы поступаем правильно, вопреки житейским ситуациям, вопреки давлению обстоятельств, совесть утешает нас. И это утешение рождает радость ни с чем не сравнимую. Вот наш учитель.

О ней говорит только Новый Завет. Старый про нее ничего не говорит. Евреи считали, что нужно бояться Бога. Страх Божий – это начало премудрости. А язычники говорили, что нужно совесть иметь, и Евангелие подхватывает языческую мысль. Нужно иметь совесть. Об этом повествует Евангелие от Иоанна, потом апостол Павел говорит, что совесть язычников обличает или утешает. И они, не зная закона написанного, поступают по закону, потому что ими руководит совесть.

Совесьть – это немой мучитель, а природа – это немой

проповедник.

Итак, природа учит нас, и совесть учит человека. Внимательны будьте и к тому, и к другому. Слушайте совесть и почаще выходите на природу, в тишину, от шума городов, туда, где плещется река, или шумят деревья, или птицы поют, или колосятся засеянные нивы.

И третье, что важно, – это родители. Если совесть и природа бессловесны, немые (совесть – это немой мучитель, а природа – это немой проповедник), то отец и мать – это уже наши словесные наставники. Им Господь доверил наше воспитание.

Совесть – это подарок Божий нам. Это наш благой мучитель. Это наш домашний тиран, который терзает нас и мучает, и заставляет нас пробуждаться ночью и вспоминать свою жизнь.

Блажен человек, который имеет отца, переживающего о нем, и мать, тревожащуюся о его нравственности. Есть много отцов, которым наплевать, как живут их дети. Есть много матерей, которым наплевать, как ведут себя их сыновья и дочери. Что сделал, куда пошел, что смотрел, что читал, с кем говорил, с кем дружишь, где был, куда пропал – наплевать.

Миллионам отцов и матерей наплевать, хотя Бог взывает к нам, братья и сестры, за наших детей. Мы должны обязательно отвечать перед Богом за тех, кого родили, мы являемся словесными наставниками по природе, как глашатаи закона Божия для рожденных нами детей.

Вот три вещи или три явления, которые учат человека помимо Христа и Церкви, помимо Христа и Евангелия. Это окружающий красивый мир, творец которого – Господь. Это голос совести внутри человека, которая осуждает человека или хвалит его. И это отец и мать, которые наставляют, за-прещают, ругают, наказывают... Помогите, Господи! Только чтобы без греха и в меру.

Они же поощряют человека к добру, переживают о нем: *«Я умру, а ты останешься. Дай Бог, чтобы тебе было хорошо, когда меня не будет, ибо пока что я тебя храню, но я же не вечный. Поэтому будь таким, каким нужно, чтобы без меня ты был правильным».*

Это тревога каждого отца, каждой матери, которые имеют хоть каплю разума в голове и каплю страха Божия в сердце.

Так будем обращать внимание на эти вещи: на окружающий красивый мир, на звездное небо, на падающий снег, на дождь из тучи, на растущую траву. Это все книга Божией премудрости. Будем обращать внимание и на совесть нашу, которая нас бичует или утешает. И конечно же, на детей, отцов и матерей наших.

Совесть дружит с памятью. Кто памяти не имеет, того совесть не тревожит. Зачастую спокойная совесть – это признак плохой памяти.

Мы друг для друга и учителя, и ученики. Мы помогаем друг другу жить по-Божьему. Даже если мы не знаем Евангелия! Даже если... но мы-то, слава Богу, знаем Евангелие,

поэтому эти вещи нам помогают еще больше, если мы просвещены Словом Божиим, очищены Крещением и напитаны святыми Тайнами Христовыми.

Благословляйте детей ваших!

Поговорим о благословении детей. Каждый из нас в семье – священник. Священник – это человек, который совершает таинство, но, кроме этого, он учит закону и удерживает от греха. И мать, и отец в семье – это священники. Они могут благословлять, наставлять, учить, проповедовать. В этом смысле им дано очень многое для того, чтобы человек был сдержан словами родивших его.

Я хочу сказать о том, что слова отца и слова матери должны быть очень полновесными, они должны иметь тот вес, о котором мы читаем в Библии, когда люди в древности благословляли или проклинали кого бы то ни было. Вот что написано про Ноя: когда он вышел из ковчега, то его сын Хам проявил неуважение к нему. Ной, не зная силы вина, выпил его и, опьянев, лежал, раскинув свои одежды, обнажившись. Он был смешон в это время. И Хам, посмотрев на него, посмеялся над ним, а затем позвал и братьев посмотреть и посмеяться над отцом. Однако братья шли спиной к отцу, они стыдились смотреть на его наготу. Братья накрыли его одеждой. Им было страшно смеяться над отцом, который произвел их на свет.

Когда Ной проснулся, то проклял Хама в лице его потомства, назвав это потомство рабами рабов (это значит, что они будут рабами у своих братьев), а потом благословил Сима

и Иафета. Ной сказал, *что благословен Господь Бог Симов; Ханаан же будет рабом ему; да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему* (Быт. 9:26–27).

Мы часто говорим детям: «Ты дурак, идиот, лентяй, бездарь, ты такой-сякой, ты придурок». Это плохо, потому что это антимолитва. Нужно благословлять детей своих, благословлять, а не проклинать.

Ной сказал это очень давно, но сказанное им сохраняется до сих пор, потому что потомки Сима – это евреи, арабы, семиты. Как говорит пословица: «Сим молитву дает, Хам пшеницу сеет, Иафет власть имеет. Смерть всем владеет». То есть семиты – это благословенный корень, это авраамиты, это дети Авраама. Евреи и арабы – это самые молитвенные люди в мире, они больше всех любят молиться и больше всех стремятся к Богу.

«Иафет вселится в шатры Симовы». Вот мы – северные люди. Славяне, норвежцы, норманны, финны, греки, вся Европа – это все иафетиты. Они вселились в шатры Симовы. Потом, когда евреи отпали от Христа, не признали Его, то мы, дети Иафета, вселились в шатры Симовы. То есть мы вошли в то богослужение, в те заветы, в ту молитву, в ту радость, которую раньше имели только одни евреи.

А Ханаан – раб рабов. Ханаан раб Иафету, раб Симу. Это однажды отец сказал, и до сегодняшнего дня это сохраняется. Какую власть имеет отец над детьми! Скажет – и останет-

ся. Да будет тебе так... и так оно и будет, потому что Бог дал власть отцу над детьми. И наоборот, чтобы ты был таким и вот таким... пусть Господь тебе даст это, пусть будешь ты таким-то, – и слово превращается в дело. Это нужно каждому отцу и матери.

Не раз замечено, что еврейские матери и отцы не ругают детей своих и не обзывают их обидными словами, не клянут их. Это очень благочестивая традиция. Мы часто говорим детям: «Ты дурак, идиот, лентяй, бездарь, ты такой-сякой, ты придурок». Многие родители уже привыкли говорить так... Это плохо, потому что это антимолитва. Нужно благословлять детей своих, благословлять, а не проклипать. Так говорит апостол Павел: *«Благословляйте, а не проклиняйте, ибо вы призваны к благословению»* (см.: 1 Пет. 3:9).

Давайте постараемся не клясть своих детей, не ругать их лишний раз, а благословлять их. Вы спросите: «А как благословить, что сказать?» В Писании говорится, например, о многих благословениях отцов над детьми. Причем у всех семитов, вообще у всех людей восточного происхождения прослеживается отношение к слову как к вещественному.

Я читал про одного английского путешественника, который странствовал по пустыне. Он ездил на верблюде, голову и лицо укутывал платком от песка. По его внешнему виду нельзя было определить, белый он или араб. Ему повстречались бедуины. Они поприветствовали его: «Салам», что значит «мир тебе». А «салам алейкум» – мир вам. Англичанин

ответил им: «Алейкум ас-салам» («И вам мир»). Когда бедуины присмотрелись, они поняли, что он не араб. Тогда они сказали: «Ой, отдай нам наш мир!» То есть мы тебе мира пожелали, но ты чужой. Мы тебе по ошибке дали мир, отдай нам наш мир, то есть то, что мы тебе дали.

Понимаете, у них слово – это дело. Ты сказал: «Мир тебе» – и ты вложил сердце в слово, и ты послал энергию в слово, и ты дал дело вместе со словом. Мы не так относимся к словам, и это наш грех. Мы примитивные, такие придурковатые европейцы, для которых слово – это пар, а дело – это дело. Дело можно съесть, дело можно одеть, а слово – это пар, и можно брехать всю жизнь. И это ужасная идеология.

Дай Бог, чтобы наши дети были благословенны нами, а через нас – Богом, потому что в этом состоит все их счастье.

Слово – это дело. «Мир тебе» – это значит, что я отдал тебе сердце, я половину своего сердца отрезал и дал тебе – «на тебе меня!» То есть съешь с моим словом вместе, пусть будет хорошо тебе. В Писании говорится, как Исаак благословлял своих детей. Он был уже стар, и у него были сыновья Иаков и Исав. И вот Исаак, уже ослабевший глазами, не видел, кто из них кто. А Ревекка, мать Исава и Иакова, хотела, чтобы ее любимый сын Иаков получил первородство. Тогда она одела его в шкуры, в которые одевался старший сын Исав, и подвела его обманом к отцу. Отец благословил его, сказав: да даст тебе Бог от росы небесной и от тука земли, и множество

хлеба и вина; да послужат тебе народы и да поклонятся тебе племена... проклинаящие тебя – прокляты, благословляющие тебя – благословенны! (Быт. 27:28–29). Иаков получил благословение и ушел.

А потом пришел старший сын – Исав. Тогда Исаак понял, что он благословил не того, и вострепетал он великим трепетом, и сказал: кто же это... и я благословил его? (Быт. 27:33). Оказывается, он младшего благословил больше. И Исав, выслушав его, поднял громкий крик. Он сказал отцу своему: «Отец мой, благослови и меня!» Но тот ответил: «Брат твой пришел с хитростью и забрал благословение твое!» Казалось бы, ну забери оттуда, дай этому. Нельзя! Уже сказано слово, слово уже сказано! Ты сказал – все! И что же? Исав спросил: «Уж не потому ли дано ему имя Иаков – “Запинатель”»? Он запнул меня два раза уже, так дай мне благословение». И Исаак благословил его, но гораздо меньшим благословением.

Если Иакову говорится, что даст ему Господь Бог от росы небесной и от тука земного, то Исаву отец говорит: даст тебе Господь от тука земного и росы небесной, то есть наоборот. Переворачивается порядок – сначала земля, а потом небо, а Иакову сначала небо, а потом земля.

Так вот, братья и сестры, человек сказал, и слово осталось. Не думайте, что только Исаак такой был, или Иаков, или Авраам, или Моисей. Это у всех так. Вот скажешь сыну, что он дурак никчемный, тогда он так дураком никчемным и будет

всю жизнь. И наоборот, скажешь: «Сынок, Господь да благословит тебя! Господь да вразумит тебя! Господь да сохранит тебя!» И сохранит Господь, и вразумит Господь, и покроет Господь. Поэтому отцы и матери не имеют права ругать детей своих нехорошими словами, они не должны проклинать их, а должны благословлять. И это благословение имеет великую силу. Дай Бог, чтобы мы это поняли, почувствовали, дай Бог, чтобы наши дети были благословенны нами, а через нас – Богом, потому что в этом состоит все их счастье.

Вы спросите: а как благословлять? Я сейчас дам вам ориентир, приведу цитату: *«Да благословит тебя Господь и сохранит тебя! Да призрит на тебя Господь светлым лицем Своим и помилует тебя! Да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир!»* (Числ. 6:24–26). Такие три благословения Сам Господь дал сынам Израилевым, священникам, чтобы они благословляли так народ Божий. То есть можно это все выучить и так благословлять людей, которые находятся под вашей властью – пусть отец и мать благословляют детей, дед и бабушка – отца, мать, внуков, священник – людей.

Мы благословляем обычно именем Господним: «Именем Господним благослови, отче!» Или мы говорим: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» Это наше стандартное благословение. При этом можно читать любую молитву. Например: «Господи Иисусе Христе, помилуй нас» или «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас». Лю-

бую молитву можно читать, так мы благословляем человека именем Господним. Шестая глава Книги Чисел дает нам три способа благословить человека и описание того, как Сам Господь вложил это в уста древним священникам.

Само троичное число благословений говорит нам о том, что Бог есть Троица. То есть Господь потихоньку готовил людей к той высокой мысли, что Бог Один, но Он же и Троица. Он Один по существу, но троичен в Ипостасях, в Лицах. Как в одном человеке есть дух, душа и тело, но человек не разделяется на три, он есть один – целый один человек. Так же как и храм один, но в храме есть притвор, центральная часть и алтарь. И вот три благословения, которые Он Сам дал священникам, говорят нам о том, что это говорит нам Бог Троица.

«Да благословит тебя Господь и сохранит тебя! Да призрит на тебя Господь светлым лицом Своим и помилует тебя! Да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир!» Можно так благословлять людей, которые находятся под вашей властью.

Благословение, братья и сестры, – это великое дело. Научиться благословлять Господа – это, может быть, одна из самых главных наук человеческих. Дождь идет – скажи: *«Благословен Господь Бог наш, дающий дождь на землю!»* Сел за еду – скажи: *«Благословен Господь Бог наш, напитавший нас дарами Своими»*. Заболел, например, – скажи: *«Благословен Господь Бог, пославший мне болезнь для очищения грехов мо-*

их!» Это уже мудрость.

Когда мы благословляем Бога во время болезни, неприятностей, скорбей, опасностей, сложностей, трудностей, страхов, тогда мы мудрее всех философов. Христианство – это высшая философия. Если мы умеем благодарить, и хвалить, и благословлять Господа среди болезней, среди неприятностей, то мы христиане.

Так поступали три отрока в вавилонской печи. Что они пели? *«И хвально, и прославлено имя Твое вовеки... да хвалят Господа небеса небес и вода, иже превыше небес»*. То есть пусть весь мир хвалит Господа. Да и мира мало. Пусть люди, ангелы, стихии, звери, скоты, пернатые – пусть все хвалят Господа. Это они в печи пели посреди огня, уже готовые умереть. Хвалить Бога во время неприятностей – это самая большая человеческая мудрость.

Бога нужно благословлять, детей нужно благословлять. Мы, когда заканчиваем Литургию, говорим: *«Благословляй благословящих Тебя, Господи, и освящай на Тебя уповающих...»* То есть Ты, Господи, благословляешь тех, кто благословляет Тебя, и освящаешь тех, кто уповает, то есть надеется на Тебя. Значит, мы с вами должны научиться благословлять Господа на всякое время. Так мы и поем на наших службах: *«Благословлю Господа на всякое время, выну (то есть “всегда”) хвала Его во устех моих»* (Пс. 33:2).

То есть сел обедать – *«Благословен Господь Бог Израилев!»* Встал, сел, лег или поднялся – *«Господи, слава Те-*

бе, Ты благословен!» Внутри себя, не на языке даже, может быть, а в мыслях, в сердце – «Господи, слава Тебе!», то есть *«Все хорошо! Ты хвальный, Ты прославленный, имя Твое святое вовеки»*.

Сегодня мы с вами для того, чтобы подтвердить наши слова о важности благословения, почитаем из Писания о том, как престарелый Иаков, которому было уже 130 лет, благословлял детей своего сына Иосифа. Иосиф был продан в рабство и там был унижен, потом возвышен. И вот Иаков пришел в Египет и там благословил своего сына Иосифа и его детей.

У Иосифа было двое сыновей – Ефрем и Манассия (Ефроем и Манаше). Манассия был старший, а Ефрем – младший. И вот Иосиф привел своих детей к отцу своему Иакову, который был уже весьма стар и слаб глазами. Он уже похоронил Рахиль – жену свою. Она упокоилась в пределах Вифлеемских, в Бейт-Лехеме есть ее могила.

Когда мы благословляем Бога во время болезни, неприятностей, скорбей, опасностей, сложностей, трудностей, страхов, тогда мы мудрее всех философов. Если мы умеем благодарить, и хвалить, и благословлять Господа среди болезней, среди неприятностей, то мы христиане.

И вот, одинокий, престарелый, почти слепой Иаков пришел в Египет и сказал Иосифу: «Подведи ко мне своих детей. Я не видел их». И тот привел к нему сыновей Манас-

сию и Ефрема для благословения. Он поставил Манассию под правую руку Израиля (то есть Иакова), а младшего, Ефрема, под левую руку, чтобы отец положил руки на них вот так: на старшего правую, а на младшего левую, и помолился над ними. Но Израиль, то есть Иаков, простер правую руку свою и положил на голову Ефрема, а левую на голову Манассии. И вот так их благословил, крестом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.